

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6856054>

УДК 327.5: 93/94 (410+470+581)

Арбеков А.Б.

Арбеков Александр Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, Россия, 300002, г. Тула, ул. Октябрьская, 2. E-mail: killkennedy123@yandex.ru.

Генерал Н.Н. Обручев и подготовка России к войне в Афганистане в 1885 году

Аннотация. В настоящей статье автор на основе документов Российского государственного военно-исторического архива исследует роль начальника Главного штаба российской армии генерала Н.Н. Обручева в подготовке к войне с Британской империей в Афганистане. Отмечено, что первое полугодие 1885 г. для России характеризовалось сложным процессом выработки и принятия оптимального паттерна действий. Научный интерес заключается в изучении процесса взаимодействия Главного штаба Российской императорской армии с военно-окружным командованием на Кавказе и в Туркестане в рамках выработки определенного алгоритма оперативно-тактических мер при развертывании войск в случае эскалации масштабного вооруженного конфликта. В результате настоящего исследования делается обоснованный вывод о ключевой роли в обозначенном процессе именно личности генерала Н.Н. Обручева.

Ключевые слова: Главный штаб, Н.Н. Обручев, Восточный вопрос, Большая игра, военная разведка, военно-стратегическое планирование, Пендинский кризис, колониальная политика.

Arbekov A.B.

Arbekov Alexander Borisovich, candidate of historical sciences, researcher, Tula State Arms Museum, Russia, 300002, Tula, st. Oktyabrskaya, 2. E-mail: killkennedy123@yandex.ru.

General N.N. Obruchev and the preparation of Russia for the war in Afghanistan in 1885

Abstract. In this article, the author, based on the documents of the Russian State Military Historical Archive, explores the role of the Chief of the General Staff of the Russian Army, General N.N. Obruchev, in preparing for the war with the British Empire in Afghanistan. It is noted that the first half of 1885 for Russia was characterized by a complex process of developing and adopting an optimal pattern of actions. The scientific interest lies in studying the process of interaction of the General Staff of the Russian Imperial Army with the military district command in the Caucasus and Turkestan in the framework of developing a certain algorithm of operational and tactical measures when deploying troops in the event of an escalation of a large-scale

armed conflict. As a result of this study, a reasonable conclusion is made about the key role of the personality of General N.N. Obruchev in the designated process.

Key words: General Staff, N.N. Obruchev, The Eastern Question, The Great Game, military intelligence, military-strategic planning, The Panjdeh Incident, colonial policy.

История планирующей деятельности российских военных структур пореформенного периода сегодня на фоне актуальных международных кризисов представляет большой научный интерес, особенно в контексте исследования проблемных точек взаимодействия на внешнеполитической арене с другими европейскими странами. Ее изучение позволяет проследить процесс развития и формирования в России определенного механизма принятия важнейших решений не только на конкретном оперативно-тактическом, но и на глобальном стратегическом уровнях.

Во второй половине XIX – начала XX вв. в рамках т.н. «Большой игры» главным соперником России на восточном направлении являлась Британская империя. Взаимное стремление к реформативанию сфер влияния в Евразии нередко ставило обе державы на грань прямого вооруженного столкновения. Наглядной иллюстрацией подобного выражения Большой игры стал Пендинский кризис 1885 г., основной конфликт которого развернулся вокруг Пендинского оазиса, находившегося на границе российских владений в Средней Азии и Афганистана. 18 (30) марта 1885 г. колонна российских войск под командованием генерал-лейтенанта А.В. Комарова успешно атаковала противостоявшие ей афганские войска при Таш-Кепри на р. Кушка, вынудив их к отступлению. Поскольку Великобритания по условиям Гандамакского договора от 26 мая 1879 г. гарантировала защиту Афганистана от внешней угрозы со стороны других держав, это событие поставило Российскую и Британскую империи перед перспективой «большой войны» в Центральной Азии.

Ранее этот исторический эпизод и планирующая деятельность российского Главного штаба в разрезе подготовки к столкновению с союзными Великобрита-

нией и Афганистаном рассматривалась в научных трудах историков О.Е. Алпеева и М.К. Басханова [2; 3] сквозь призму личности генерала А.Н. Куропаткина, подготовившего план развертывания российской армии в Центральной Азии летом 1885 г. Однако сам механизм выработки этого проекта в течении зимы – весны того же года и роли в этом процессе начальника Главного штаба Н.Н. Обручева оказались практически за пределами объектива взора исследователей. Небольшими исключениями в этом ряду являются опубликованное в 1910 г. к 25-летию победы российского оружия в сражении на р. Кушка сообщение полковника Главного штаба А.Д. Шеманского [19], а также фундаментальная монография крупного советского специалиста по вопросу российско-британского соперничества в Центральной Азии Г.А. Хидоятова «Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.)», изданная в Ташкенте в 1983 г. [18].

Тем не менее, как показывает опыт настоящего исследования, авторы в своих работах представили далеко не исчерпывающую картину подготовки России к войне с Великобританией на территории Афганистана. В связи с этим нам представляется необходимым изучить этот процесс на основе документации штабов Кавказского и Туркестанского военных кругов, которые принимали активное участие в теоретизации и разработке соответствующих оперативно-тактических мер, и осветить роль начальника Главного штаба Н.Н. Обручева в консолидации их планирующей деятельности.

Первое полугодие 1885 г. для России характеризовалось сложным процессом выработки и принятия оптимального паттерна действий. Во многом это объясняется недостаточным развитием российской военной инфраструктуры в Центральной Азии и отсутствием четкой политической

задачи, оправдывающей необходимость силового ее решения. Главный штаб и его начальник при разработке соответствующего плана развертывания вооруженных сил, по сути, сводили воедино все инициативы, предложенные командующими Кавказским и Туркестанским военными округами, в единую комплексную стратегию. Однако Петербургу приходилось директивно распределять компетенции и обязанности среди различных войсковых группировок, чтобы не допустить излишней инициативы «на местах» свойственной «ташкентцам», которая могла катастрофически повлиять на исход возможного столкновения.

В 1881-1898 гг. пост начальника Главного штаба занимал генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев – один из самых выдающихся военных деятелей России пореформенного периода. Среди современников он получил громкое прозвище «Русский Мольтке» за эпистемологический подход к организации планирующей деятельности Главного штаба, характерной для германской военной школы [1]. Несмотря на сохранившуюся в этот период жесткую вертикаль власти и полную подчиненность Главного штаба посту Военного министра П.С. Ванновского, за счет личного авторитета генерал Н.Н. Обручев имел возможность активно влиять на вектор проводимой царским правительством внешней политики России. Управляющий Морским министерством адмирал И.А. Шестаков после одного из совещаний 29 июня (11 июля) 1883 г. оставил довольно емкую и удивительно точную характеристику доверительных взаимоотношений Военного министра и начальника Главного штаба: «Военный министр никогда не бывает (на совещаниях. – А.А.) и заменяет собой логиком – Обручевым» [20, с. 119].

В частности, «Русский Мольтке» являлся апологетом идеи окончательного решения для России т.н. «Восточного вопроса». В его понимании этот термин подразумевал территориальный раздел Османской империи, а также захват морских Проливов, прежде всего Босфора. Он

довольно четко обосновал основную цель этой стратегической инициативы тем, что «владея Босфором мы становимся неуязвимы на Черном море; обуздываем Англию, лишая ее возможности грозить нашим южным берегам, тогда как сами сохраняем за собой угрозу Индийским ее владениям...» [8, л. 218/об.]. Поэтому период его начальства в Главном штабе сопровождался тесным взаимодействием Военного ведомства и Морского министерства Российской империи с целью организации многочисленных исследовательских экспедиций для топографии местности в районе Проливов, составления подробного плана вражеских укреплений, замеров глубины прибрежной линии для ее минирования против турецкой и английской эскадр [1; 4].

В то же время начальник Главного штаба скептически относился к идее расширения российских владений в Центральной Азии, поскольку данный вектор внешней политики империи Романовых уводил ее от достижения главной цели – захвата Босфора. Так, сразу после начала Русско-турецкой войны (1877–1878) он предлагал достигнуть соглашения с Великобританией по вопросу Проливов, позволив ей со своей стороны захватить Суэцкий канал, Афганистан и всю Памирскую область, предоставив в обмен гарантии о прекращении российской экспансии на Среднем Востоке [17, с. 89]. Тем не менее, период между Восточным (1875–1878) и Пендинским кризисом (1885) характеризуется завершением в среде российской военной элиты консолидации вопроса обладания проливами Босфор и Дарданеллы с проблемой разделения сфер британо-русского влияния в Центральной Азии. Из-за чего расширение российских границ до Афганистана и возможность наступления царской армии к Индии, как писал в апреле 1879 г. начальник Азиатской части ГШ полковник А.Н. Куропаткин, составляли лишь «одно из звеньев общего плана борьбы против Англии» [15, л. 163].

Поэтому одним из главных направлений российской внешней и военной по-

литики на исследуемом историческом этапе стало продвижение на Среднем Востоке. К 13 февраля 1884 г. царское правительство провозгласило об аннексии Мерва, что фактически завершило процесс покорения Средней Азии и инкорпорации ее в административный состав Российской империи. В результате возникла необходимость демаркации четкой пограничной линии между Афганистаном и Россией. Для этого была организована двухсторонняя комиссия во главе с начальником Закаспийского военного отдела генерал-лейтенантом А.В. Комаровым и генерал-майором П. Ламсденом, представлявшим интересы Великобритании в афганском разграничении. В конечном итоге работа комиссии погрязла в обсуждении технических деталей, нерешенность которых приводила к постепенной эскалации конфликта между Россией и Афганистаном [4, с. 182-186].

В декабре 1884 г. Главный штаб получил сведения из Туркестана о сосредоточении значительных афганских сил в районе Герата и их подготовке к выступлению к российским границам [13, л. 9]. Аналогичные данные были получены месяцем позже о наращивании численности афганских войск под командованием британских офицеров в Чарвилаяте – Афганском Туркестане [6, л. 3]. На основании этих сведений в конце января – начале февраля 1885 г. император Александр III отдал распоряжения составить план мобилизации на случай очередной конфронтации с Англией. Для этого было дополнительно ассигновано 200 тыс. рублей с целью «усиления нашего положения в Туркмении» [11, л. 14; 16, л. 4-7].

8 (20) февраля командующему Туркестанским военным округом, генерал-адъютанту Н.О. Розенбаху, из Петербурга был сделан запрос на разработку перечня мер, необходимых для приведения войск в крае в состояние полной боевой готовности в случае обострения ситуации на афганской границе [6, л. 3]. Спустя месяц – 9 (21) марта – аналогичный запрос поступил командующему Кавказским военным

округом, генерал-адъютанту, князю А.М. Дондукову-Корсакову. Из телеграммы за авторством генерала Н.Н. Обручева становятся видны стратегические контуры будущего плана потенциального развертывания российской армии в Центральной Азии. По мнению начальника Главного штаба существовало два варианта развития события: 1) вторжение в Афганистан и наступление на Герат; или 2) организация «активной обороны» по укрепленной границе российских владений в Средней Азии.

В первом случае генерал Обручев опасался повторить опыт второй Англо-афганской войны (1878–1881) и втянуть российскую армию в длительную и изнуряющую борьбу с местными повстанцами, которая могла потенциально, с его слов, «надолго связать нам руки» [13, л. 122]. Второй вариант ему казался более предпочтительным, поскольку в таком положении британские войска по мере движения к российским границам будут вынуждены преодолевать тяжелые логистические, организационные и природно-климатические трудности. В то же время идея «активной обороны» позволяла «сохранить свободу действий в Европе» [13, л. 122/об.], что в представлении начальника Главного штаба вероятно означало потенциальную подготовку операции по захвату Босфора для защиты Черноморского побережья России от британского десанта. 1 (13) февраля 1885 г. он подготовил для Военного министра П.С. Ванновского записку, в которой указывал: «...наши отношения к Англии по афганскому разграничению значительно обострились. Если Англия будет неподатлива в долинах Мургаба и Герируда легко может произойти вооруженное столкновение. Это столкновение не может остаться изолированным в Туркмении. Вступаясь за Афганистан и поддерживая его своими офицерами и золотом, Англия, сильная только флотом, вероятно, попытается обратиться к каким-либо угрозам нам на море <...> Устранение этой опасности естественно должно обращать наше внимание на Проливы» [9, л. 9].

Тем не менее, генерал Обручев не отрицал вероятность имплементации именно первого сценария и в тот же день предусмотрительно отправил запрос в Тифлис командующему Кавказским военным округом на сбор доступных сведений о фортификациях Герата и его предместья [14, л. 1–2]. Также он настоятельно требовал подробного перечня мер необходимого для усиления войск в Закаспийской области для совместных действий с войсками Туркестанского военного округа, а также – по развитию военной инфраструктуры в регионе, укреплению основных опорных пунктов и протяжению железнодорожной ветки от Асхабада до Мерва с целью ускорения процесса концентрации российской армии на границе с Афганистаном [13, л. 122/об.–123/об.].

К 2 (14) апреля штабом князя А.М. Дондукова-Корсакова была подготовлена объемная записка, в которой содержались рекомендации по формированию на Кавказе особого войскового резерва в 26 тыс. чел., позволявшего при мобилизации округа в кратчайшие сроки сосредоточить в Закаспийском крае экспедиционный корпус численностью до 42 тыс. чел. [13, л. 166–169/об.]. Для строительства железной дороги до Серахса и Мерва по предварительным оценкам командующего Кавказским округом требовалось выделить 5-6 млн. руб. [13, л. 206/об.].

Также в Петербург была переправлена пространная записка «О вероятных силах англо-афганцев на театре в Средней Азии и о частях этого театра и вероятных действиях на них», легшая в основу последующей планирующей деятельности Главного штаба, за авторством генерал-майора И.И. Стебницкого и генерал-майора А.С. Зеленого. Поскольку в документе не указана конкретная дата его написания и нет никаких контекстных упоминаний о состоявшемся столкновении с афганскими войсками 18 (30) марта 1885 г., можно предположить, что записка «О вероятных силах англо-афганцев...» была составлена скорее всего в конце февраля – начале марта 1885 г., т.е. до столкновения при Таш-Кепри.

По предположениям специалистов Кавказского военного округа противник мог потенциально выставить к осени союзную армию в 80 тыс. чел., в составе которых будет 50 тыс. англо-индийских и 30 тыс. афганских войск [13, л. 215–216/об.]. Авторы документа производили подобные калькуляции на основе широкого ряда военно-статистических данных. Во-первых, в расчет брался опыт предшествующей второй Англо-афганской войны (1878–1881). Сведения о ней черпались из британских парламентских бумаг или т.н. «синих книг» с военными отчетами и реляциями о ходе всей кампании. Во-вторых, российскими офицерами активно изучались результаты деятельности сформированной в 1879 г. комиссии под председательством губернатора Бенгалии сэра Эшли Идена по структурной реорганизации англо-индийской армии. В-третьих, источником знаний об афганских войсках выступали собранные разведывательные сведения генерал-майором Н.И. Гродековым, совершившим поездку к Герату накануне второй Англо-афганской войны осенью 1878 г. Поэтому, как нам представляется, указанные в документе цифры были довольно близки к реальности, хотя и отражали на деле лишь гипотетические расчеты штаба Кавказского военного округа.

Рассматривая способы действий российской армии, И.И. Стебницкий и А.С. Зеленой, прежде всего, обратили внимание на возможные варианты развертывания противника. По их мнению, британское командование в Индии будет развертывать войска по двум операционным направлениям: 1) Кабуло-Туркестанскому; и 2) Герато-Закаспийскому. Первый вариант имел кратчайший, но наиболее сложный путь следования из-за труднопроходимой гористой местности. Задачей англо-индийской армии на этой линии, по мнению авторов, будет продвижение от Пешавара через Кабул и Бамианское ущелье в горной гряде Гиндукуша, форсирование Амударьи и наступление на Самарканд [13, л. 208/об.–209]. На второй линии – наступление от Сиби по оси Кветта–Кандагар–Герат на

Серахс и Мерв. При этом И.И. Стебницкий и А.С. Зеленой определяли именно Кабульское направление как «главное», исходя из предпосылки, что «удар при успехе, наносимый противником переходом через Аму и взятием Самарканда для нашего господства в Средней Азии, будет решительный, и не может быть поставлен на один уровень с потерей нами Мерва» [13, л. 220]. Заметим, что этот вывод оказался неверным, поскольку, параллельно прорабатывая аналогичные сценарии развертывания своих войск, британское командование в Индии предполагало совершать основное наступление именно по линии Кветта – Кандагар – Герат, заняв район Кабула только лишь для оборонительных действий по горной цепи Гиндукуша [21, р. 13; 22, рр. 17-20].

Тем не менее специалисты Кавказского военного округа пришли в целом к правильному заключению об особом стратегическом значении Мерва, как основного операционного базиса, «так как оба наши театра – Туркестан и Закаспийский край разъединены между собой пустыней, среди которой Мервский оазис является единственным соединительным звеном» [13, л. 220]. Поэтому «главной и конечной целью наших наступательных действий вообще на этом театре следует считать взятие Герата и Себзара (Себзеvara. – А.А.), чтобы таким образом отрезать эту провинцию от остальной части Афганистана...», – считали генералы И.И. Стебницкий и А.С. Зеленой [13, л. 222–222/об.]. В таком случае ими предлагалось укрепить российские пограничные пункты, затем осуществить вторжение со стороны Зульфакарского ущелья через долину р. Герируд (Теджен), начать штурм Герата и занять Маймене в Северном Афганистане для сообщения с отрядом, сформированным в Туркестане. В его задачи по задумке специалистов Кавказского военного округа входили защита водораздела Амударьи от вражеской переправы и «осторожное развитие наступления в Афганском Туркестане» [13, л. 222/об.–223/об.].

К записке генералов Стебницкого и Зеленого прилагались заметки «по афганскому вопросу» князя А.М. Дондукова-Корсакова с пространной критикой плана наступательных действий к Герату. Командующий Кавказским военным округом придерживался однозначной точки зрения, что «активная оборона» являлась наиболее приемлемым для России в среднеазиатских условиях способом ведения войны против союзных Англии и Афганистана. «Это обстоятельство (занятие Кандагара и Герата. – А.А.) не только не представляет для нас опасности, напротив, нам следует даже желать, чтобы Англия сделала эта капитальную, по убеждению моему, ошибку, – считал командующий на Кавказе. – Не говоря о громадных затратах на укрепление Герата и Кандагара, на содержание там гарнизонов, англичане, вероятно вынуждены будут соединить Кветту железной дорогой с Гератом через трудно проходимую местность Афганистана, при чем им придется быть в постоянной тревоге за свои гарнизоны, столь отдаленные от операционного их базиса» [13, л. 213–213/об.]. Довольно интересной деталью заметки А.М. Дондукова-Корсакова является предложение о формировании особых диверсионных отрядов из туркменского ополчения численностью до 10 тыс. чел. для активной подрывной деятельности на коммуникациях потенциального противника в районе Герата. Для их экипировки планировалось выделить устаревшие винтовки Крнка обр. 1869 г. и трофейные системы других европейских стран [13, л. 208–208/об.].

Несмотря на довольно аргументированные рекомендации князя А.М. Дондукова-Корсакова прибегнуть именно к «активной обороне», источники подтверждают, что после разгрома генералом Комаровым афганских войск при Таш-Кепри 18 (30) марта 1885 г. высшее российское командование все больше склонялось к последовательной подготовке наступательной войны в Афганистане. Как нам представляется, на это повлияло отсутствие внятных и адекватных альтернатив курсу на расширение центральноазиатского

плацдарма. В записке от 1 (13) февраля 1885 г. начальник Главного штаба Н.Н. Обручев указывал, что для захвата Босфора требовались значительные и специально обученные «сколоченные» войска, подготовленные «заблаговременно». В его представлении данная операция заключалась во внезапной высадке двухэшелонного десанта общей численностью 50 тыс. чел., с перспективой его подкрепления до 100 тыс. Но в Одесском военном округе для отправления только первого «авангардного» эшелона было доступно около 15 тыс. чел., поэтому формирование десанта в сжатые сроки становилось возможным только за счет импровизированного комплектования соединений из других военных округов. «Очевидно, что предпринимать какую-либо операцию с таким слабым составом немислимо» [9, л. 10], – резюмировал генерал-адъютант Н.Н. Обручев. В связи с этим генерал-майор А.Н. Куропаткин, служивший при начальнике Главного штаба, заявлял, что «обороняясь с нашим сравнительно слабым флотом на побережьях Балтийского, Белаго морей и Восточного океана, мы вынуждены будем перейти в наступление в Средней Азии, какие бы затруднения оно не представляло...» [3, с. 108]. Яркой тому иллюстрацией является обсуждение Главным штабом в течение зимы – весны 1885 г. предложений командующего Туркестанским военным округом, генерал-адъютанта Н.О. Розенбаха.

Если дискуссия с военно-окружным командованием на Кавказе касалась сути и методов предполагаемых действий, то в контексте кооперации с Туркестаном процесс планирования больше затрагивал именно административные и военно-организационные вопросы. 16 (28) февраля 1885 г. штабом генерал-адъютанта Розенбаха было предложено «действовать наверняка» и за счет подкреплений из Омского военного округа довести общую численность войск в Туркестане до отметки в 33,505 чел. [6, л. 1–10] и сформировать отдельный Чарвиляятский отряд в составе 4 батальонов стрелковой бригады, 8 линейных батальонов, саперного полуба-

тальона, 9 казачьих сотен и 38 орудий – всего 13 тыс. чел. [9, л. 52/об.]. Целью действий этих войск становился – «Мазари-Шариф административный, религиозный, и военный центр Чарвиляята (Афганского Туркестана. – А.А.) и Таш-Курган, запирающий главный путь из Кабула через Бамианский проход» [9, л. 53]. Данная группировка подразделялась на два малых отряда – основной Самаркандский и вспомогательный Ферганский в составе одного батальона и двух казачьих сотен для демонстративных действий на Алае [6, л. 3/об.].

Накануне афгано-русского столкновения на р. Кушка генерал-адъютант Н.О. Розенбах распорядился опарвить в Афганский Туркестан разведывательную экспедицию капитана Карцова с конвоем из 20 казаков, для чего по его запросу была ассигнована дополнительная сумма в 10 тыс. руб. [10, л.13]. На основании деятельности разведки было составлено военно-статистическое описание Северного Афганистана [11].

По предварительным расчетам для мобилизации и сосредоточения войск со стороны Туркестана на левом берегу Амударьи выделялось порядка 2–3 месяцев с момента получения соответствующего приказа. Для всесторонней организационной подготовки штаб генерал-адъютанта Розенбаха составил подробную смету расходов на содержание Чарвиляятского отряда в течение 6 месяцев на общую сумму в 5,209,744 руб. [6, л. 34–34/об.]. Командующий Туркестанским военным округом предлагал сформировать достаточно разветвленный и сложный по организационной структуре фактически корпусной, а не отрядный полевой штаб с личным командованием, чтобы действовать более свободно и независимо от войск Закаспийской области [6, л. 107/об.]. Данный пункт, предлагаемого им перечня мер, как свидетельствует объемная переписка, стал основным камнем преткновения между Ташкентом и Петербургом на протяжении всего процесса планирования кампании в Центральной Азии.

Смета и предложения Туркестанского командующего были детально рассмотрены в Главном штабе и по итогам их изучения генерал-майор А.Н. Куропаткин 26 марта (8 апреля) составил подробное заключение с рекомендациями по структурной реорганизации отряда и сокращению расходов на его подготовку по опыту Ахал-текинской экспедиции «Белого генерала» М.Д. Скобелева [6, л. 111/об.]. На основании этого доклада на следующий день состоялось совещание для обсуждения указанных замечаний под председательством Военного министра П.С. Ванновского. На нем присутствовали генерал-адъютант Н.Н. Обручев, генерал-майор А.Н. Куропаткин и начальник Азиатской части Главного Штаба полковник Г.И. Иванов [6, л. 106]. Результаты этой дискуссии легли в текст пространного отчета за авторством самого генерала Обручева, ставшего основанием для дальнейшего стратегического развертывания российских войск в Центральной Азии.

Начальник Главного штаба аргументировано критиковал решение генерал-адъютанта Розенбаха сформировать отдельный полевой штаб с целью достижения практически полной независимости от командующего отрядом в Закаспийской области. По мнению Обручева, такой шаг был совершенно не оправдан с финансовой стороны и потенциально создавал трудности для эффективной кооперации войск в регионе. Согласно общему замыслу начальника Главного штаба, Чарвиляятский отряд должен был находиться в полном подчинении специально назначенного командующего экспедиционным корпусом в Центральной Азии, который при необходимости мог гибко адаптировать действия войск Туркестанского военного округа под динамично меняющуюся обстановку. «Чарвиляятский отряд, по вступлении в Афганский Туркестан, должен, войдя в связь с главными силами, действующими против Гератской провинции, согласовать с ними свои операции, для чего и будет получать соответствующие приказания от начальника войск имеющих цель действо-

вать со стороны Закаспийского края. Быть может, обстоятельства не позволят нам утвердиться в Таш-Кургане и Мазари-Шарифе и Чарвиляятский отряд будет поставлен в необходимость, переправившись в Керки, идти на Андхой для ближайшей связи с войсками, действующими со стороны Закаспийского края» [6, л. 158], – гласила резолюция генерала Обручева.

На основании заключения генерал-майора Куропаткина от 26 марта (8 апреля) в отчете было предложено сократить расходы на подготовку войск в Туркестане на 940 тыс. руб. [6, л. 111/об., 215/об.]. Также считалось излишним дробление Чарвиляятского отряда над два малых – предлагалось создать одну крупную группировку общей численностью 13,627 чел. для наступления в Афганистан и выделить казачью сотню для наблюдения и демонстративных действий по направлению к Кашгарию [6, л. 107–107/об., 201]. Наряду с этим генерал Обручев рекомендовал увеличить комплектацию стрелковых и линейных батальонов, предназначенных для формирования отряда, за счет оставшихся войск в Туркестане [6, л. 102].

Приняв во внимание замечания Главного штаба, генерал-адъютант Розенбах продолжал настаивать на сохранении обособленной структуры личного полевого командования из-за «разрозненности и отдаленности театров действий» вплоть до выполнения главных задач Чарвиляятского отряда – утверждения в Таш-Кургане и Мазари-Шарифе [7, л. 38 – 39/об.]. Военный министр П.С. Ванновский повторно телеграфировал в Ташкент директиву о сохранении именно отрядной организации штаба и назначении на командование войсками генерал-майора Н.И. Гродекова для выполнения всей операции [7, л. 19–22].

На основании всех обсуждаемых ранее инициатив, 13 апреля 1885 г. Военным министром П.С. Ванновским и начальником Главного штаба Н.Н. Обручевым был составлен подробный план «О мобилизации войск на случай разрыва с Англией», утвержденный на следующий день императором [2, с. 155]. Он подразумевал «в

виду событий, угрожающих столкновением на Афганской границе» новое войсковое расписание, проведение частичной мобилизации и формирование действующих отрядов в Закаспийской области и Туркестане, подготовку дополнительных резервов в Европейской части России для обеспечения безопасности на Кавказе на границах с Турцией и Персией, а также на берегах Балтийского и Черного морей и на Дальнем Востоке [16, л. 4–7]. Военный атташе британского посольства в Петербурге полковник Ф. Тренч в донесении от 23 апреля 1885 г. сообщал, что российское правительство распорядилось переправить из Баку, Петровска (Махачкалы) и Астрахани через Каспийское море на среднеазиатский плацдарм отряд численностью в 15 тыс. чел. При этом на Кавказе и в северной части России, и в обозначенных выше портах активно производились соответствующие приготовления к потенциальным военным действиям и отправке дополнительных армейских подкреплений [23, fos. 159–160]. Поэтому он заключал, что в случае объявления войны войска под командованием генерала Комарова немедленно предпримут наступление на Герат и обеспечат его захват одним решительным ударом: «Если русским войскам удастся овладеть Гератом, они останутся там и, насколько это возможно, укрепят свои позиции, ожидая наступления любых британских войск, которые могут быть направлены против них. В таком случае они, конечно, будут в гораздо более выгодном положении с любой точки зрения» [23, fos. 160–161].

К 19 июня 1885 г. генерал-майор А.Н. Куропаткин подготовил развернутый план выступления царской армии в Афганистан под заглавием «Соображения на случай войны с Англией на Среднеазиатском театре войны». Данная записка ранее подвергалась детальному и систематическому анализу в статьях О.Е. Алпеева и М.К. Басханова [2; 3], поэтому, как нам представляется, следует сделать лишь одно важное дополнение. По сути, этот документ сводил все изложенные выше меры командующих военных округов в единую

систематизированную программу и отображал общую плодотворную работу Главного штаба и его начальника Н.Н. Обручева по консолидации деятельности Кавказского и Туркестанского военных округов в рамках подготовки к войне в Афганистане.

Однако имплементация сформулированного высшим российским командованием алгоритма вторжения в пределы Афганистана так и не состоялась. В нашем представлении, на это повлияло, прежде всего, отсутствие у российской стороны материальной возможности для проведения военно-морской операции для захвата Босфора. Поэтому захват Герата и последующее овладение всем Афганистаном царскими войсками становились абсолютно бессмысленными с точки зрения общей внешнеполитической стратегии Российской империи, ориентированной на решении Восточного вопроса. 2 июля 1885 г. на фоне постепенной деэскалации Пендинского кризиса генерал-майор Куропаткин сделал соответствующую запись в дневнике: «Наиболее выгодно если Англия захватит весь Афганистан. Наименее выгодно, если мы вынуждены будем захватить Афганистан и дойти до индийской границы <...> Наиболее важно нам иметь в своих руках Дарданеллы, Босфор и полосу земли вокруг Черного моря...» [5, л. 39–40]. Данную точку зрения, как уже отмечалось ранее, полностью разделял и начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н. Обручев.

Подводя общий итог, можно отметить, что процесс подготовки России к потенциальной войне в Афганистане на фоне Пендинского кризиса 1885 г. ярко демонстрирует механизм взаимодействия Главного штаба со штабами военных округов. Высшее командование в лице генерала Обручева при разработке соответствующего плана развертывания российских вооруженных сил, по сути, сводило все инициативы, предложенные командующими Кавказским и Туркестанским военным округом, в единую комплексную стратегию. Обращает на себя особое внимание факт именно централизованного управле-

ния, в рамках которого разработку контуров вероятного плана действий и принятие всех ключевых решений обеспечивал именно начальник Главного штаба, не-

смотря на стремление командующих на местах взять инициативу в свои руки, что приводило к конфликту с военными властями в Петербурге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов О.Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. Москва, 2018. 496 с.
2. Алпеев О.Е. Планирование русским Генеральным штабом войны с Великобританией в контексте англо-русских отношений (1885–1914 гг.) // Исторические исследования. №15. 2020. С.153-166
3. Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Магрегора // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 86-126.
4. Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб. 344 с.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 165. Оп. 1. Д. 1837. URL: <http://rgvia.pf/nsa/tematicheskie-perechni/perechen-rgvia-blagotvoritelnost.shtml>.
6. РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 988
7. РГВИА Ф. 400. Оп. 1 Д. 989
8. РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 587
9. РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 589
10. РГВИА Ф. 402. Оп. 1. Д. 284
11. РГВИА Ф. 445. Оп. 1. Д. 26.
12. РГВИА Ф. 445. Оп. 1. Д. 27
13. РГВИА Ф. 483. Оп. 1. Д. 119
14. РГВИА Ф. 846. Оп. 1. Д. 89
15. РГВИА Ф. 846. Оп. 3. Д. 31
16. РГВИА Ф. 846. Оп. 3. Д. 36
17. Рыбаченок И.С. Н.Н. Обручев о геополитических интересах России // Россия: Международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки. М. 2003. С. 69-122
18. Хидояттов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.). Такшкент, 1983. 213 с.
19. Шеманский А.Д. Бой на Кушке и его 25-летний юбилей. СПб, 1910. 80 с.
20. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Дневники 1882–1888. СПб, 2014. 600 с.
21. The National Archives, Kew, United Kingdom (TNA), CAB 37/14/18. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk>.
22. TNA, CAB 38/1/2.
23. TNA, PRO FO 65/1216.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ajrapetov O.R. General-ad#jutant Nikolaj Nikolaevich Obruchev (1830–1904). Portret na fone jepohi. Moskva, 2018. 496 s.
2. Alpeev O.E. Planirovanie russkim General'nym shtabom vojny s Velikobritaniej v kontekste anglo-russkih otnoshenij (1885–1914 gg.) // Istoricheskie issledovaniija. №15. 2020. S.153-166
3. Bashanov M.K. Geratskij krizis 1885 g. i bor'ba idej vokrug strategii uprezhdenija v Srednej Azii: Kurapatkin protiv Magregora // Mir politiki i sociologii. 2018. № 12. S. 86-126.
4. Kondratenko R.V. Morskaja politika Rossii 80-h godov XIX veka. SPb. 344 s.
5. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) F. 165. Op. 1. D. 1837. URL: <http://rgvia.rf/nsa/tematicheskie-perechni/perechen-rgvia-blagotvoritelnost.shtml>.
6. RGVIA F. 400. Op. 1. D. 988
7. RGVIA F. 400. Op. 1 D. 989
8. RGVIA F. 400. Op. 4. D. 587

9. RGVIA F. 400. Op. 4. D. 589
10. RGVIA F. 402. Op. 1. D. 284
11. RGVIA F. 445. Op. 1. D. 26.
12. RGVIA F. 445. Op. 1. D. 27
13. RGVIA F. 483. Op. 1. D. 119
14. RGVIA F. 846. Op. 1. D. 89
15. RGVIA F. 846. Op. 3. D. 31
16. RGVIA F. 846. Op. 3. D. 36
17. I Rybachenok.S. N.N. Obruchev o geopoliticheskikh interesah Rossii // Rossiya: Mezhdunarodnoe polozhenie i voennyj potencial v seredine XIX – v nachale HH veka. Oчерki. M. 2003. S.. 69-122
18. Hidojatov G.A. Britanskaja jekspansija v Srednej Azii: (Pende, mart 1885 g.). Takshkent, 1983. 213 s.
19. Shemanskij A.D. Boj na Kushke i ego 25-letnij jubilej. SPb, 1910. 80 s.
20. Shestakov I.A. Polveka obyknovennoj zhizni. Dnevniki 1882–1888. SPb, 2014. 600 s.
21. Nacional'nyj arhiv, K'ju, Soedinенное Korolevstvo (TNA), CAB 37/14/18. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk> .
22. TNA, KABINA 38/1/2.
23. TNA, PRO FO 65/1216.

Поступила в редакцию 10.06.2022.

Принята к публикации 17.06.2022.

Для цитирования:

Арбеков А.Б. Генерал Н.Н. Обручев и подготовка России к войне в Афганистане в 1885 году // Гуманитарный научный вестник. 2022. №6. С. 1-11. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/06/Arbekov.pdf>